«Быть верным сыном такого народа и такой партии — это ли, мой друг, не самое высокое счастье в жизни для нас и наших современников? И не нас ли, ныне живущих, окрыляет на неустанный труд и новые подвиги суровая ответственность за судьбы Отчизны, за дело партии, ответственность, которую мы несем не только перед грядущими поколениями, но и перед светлой памятью тех, кто сражался и шел на смерть, защищая Родину».

Михаил ШОЛОХОВ.

Фото Е. НЕДЕРЯ.

Слава на века

На берегу высоком
и крутом,
Над тихим Доном
с неуемным нравом
Они стояли,
Позабыв о том,
Как тяжело ходить
под гнетом славы.

Ни звука.
Лишь казалось, что вдали
Со звоном бились
солнечные блики.
И не было ни славных,
Ни великих
Перед величьем
матери-земли.

Земля...
Судьба Гагарину дала,
Неслыханное выполнив
заданье,
Увидеть первым,
Сколь она мала,
Сколь крошечна
В масштабе мирозданья.

А Шолохов
был рядом с ним сейчас.
Он прожил жизнь,
в которой были ночи,
Когда он не смыкал
усталых глаз,
Судьбою человека озабочен.

Он раньше понял,
Сколь Земля мала...
Еще тогда, на переломе
века
Он заявил о праве человека
Вершить земные,
вечные дела...

В космической
и беспросветной мгле
Гагарин видел солнце:
Черным шаром
Оно катилось...

И таким же самым
Его
Григорий видел
На земле.

Мала Земля.
И все же велика
Людьми, что эту Землю
обогрели
Огнем,
в котором за нее сгорели
И стали славой,
что живет века...

Владимир ФИРСОВ.

О жизни и литературе

«Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу.

Отсюда проистекает все. Отсюда следуют выводы о том, каким мыслится мне, как советскому писателю, место художника в современном мире».

◆

«О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

◆

«Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную. Укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу.

Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечеству».

◆

«Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору».

М. ШОЛОХОВ.

Открытие мира

О художественном своеобразии шолоховского письма размышляет лауреат Ленинской премии Егор ИСАЕВ

О творчестве Михаила Александровича Шолохова во всем мире написано и сказано очень много. И будет еще сказано...

Каждый имеет право на свое отношение к тому, что он читает. А что такое каждый? Человек, поколение... Год, десятилетие, век... Каждый век, наверное, тоже будет иметь свое отношение к книге. А то, что написано Шолоховым, не годично, не десятилетне — эпохально.

«Тихий Дон» я перечитывал много раз. И вот что интересно. Несмотря на глубину, серьезность исторического исследования, «Тихий Дон» — для всех возрастов. Его можно читать в 17 лет и в 30, в 40 и в 60 лет. И на всю возрастную гамму прочтения он, этот роман, глубок и благодатен. В этом, я считаю, основная сила «Тихого Дона». Хотя там много сил — это многосильная эпопея, вообще, я бы сказал, силовое сплетение.

И одной из этого множества сил является сила художественной убедительности. Шолохов — художник, художник и художник. Он почти отсутствует в высказываниях, он весь в изображении. Мысль Шолохова — это обязательно характер. Жест. Конфликт. Это обязательно красота. То есть Шолохов по натуре своей, от начала и до конца слова, художествен, он художник-философ.

И это явление Шолохова, я бы сказал, уникально. Это изображенная мысль. Изображенная история. Изображенный конфликт. Не просто высказанный и теоретически определенный, а художественно доказанный — доказанный поступком, действием.

Не будучи литературоведом, хотел бы чувственно, но вообще, конечно, и знаемо, выделить еще одну очень важную черту великого дарования Шолохова как художника. Он — невероятный композитор действия.

Я был сказал, у Шолохова, на мой взгляд, почти до «хромосомы» есть собранное, почти биологическое ощущение того или иного элемента романа. Попытаюсь объяснить.

Когда я прочитал «Братьев Карамазовых» Достоевского, я вдруг поймал себя на том, что этот роман—развернутая формула, и все ей подчинено. То есть сознание творца создало эту формулу, которая была потом развернута и доказана до полного ее растворения и как бы даже отсутствия. Алеша — совесть, Иван — мысль без совести, Дмитрий — страсть не всегда с мыслью. И последний — Смердяков. Ведь Дмитрий не убивал отца своего, а убил Смердяков. Убил и не воспользовался тем, для чего он это сделал. Вы понимаете, какая ситуация? Какую же чисто философскую нагрузку несет образ Смердякова? Оказывается, отсутствие права и на совесть, и на мысль, и на страсть, ибо он лишен возможности быть сыном Карамазова-старшего.

И посмотрите—Дмитрий невинно осужден официальным судом. Но судом совести, судом высшей правды, правды любви он вознагражден. С ним Грушенька едет в ссылку. Вот, пожалуйста, решение формулы. А Иван, лишенный совести, а значит страсти, и недостойный любви,— он в конце концов сходит с ума. Потому что мысль без совести, не отягощенная нравственностью,— мысль разрушительная. Вот мое субъективное, но, видимо, в чем-то точное представление об этой «хромосоме» романа «Братья Карамазовы».

Казалось бы, буйство стихий и характеров, стихий естества — то, что и составляет материал художественного исследования,— приведет нас к тому, что мы не вправе думать о внутренней организации замысла. Перед нами как бы сама жизнь. Но ведь и жизнь имеет свои внутренние законы!

Вот «Поднятая целина». Поразительна, на мой взгляд, «хромосома» ее композиции, ее содержания. Посмотрите: три основных героя, с одной стороны, и три основных — с другой. Половцев, Лятьевский и Островнов — эти содержат в себе и выражают мир старого, который подталкивает казачество к выступлению против Советской власти. А ему в лице Давыдова, Разметнова и Нагульнова противостоит иной мир, готовя к новой жизни казачий край. И последние своими действиями, работой с людьми, жизнью среди них, верой своей, своей идеей и убежденностью, что эта идея необходима — они все-таки локализовали этот взрыв до взрыва гранаты и пулеметной очереди. Гибнут Давыдов и Нагульнов. А Советская власть и дело остаются. Какая точная и до деталей продуманная композиция!

А явление деда Щукаря! Оно не поддается до конца логической расшифровке. Это, может быть, представление как бы самого народа о диалектическом единстве детскости и мудрости, наивности и опыта. А опыт этот исторический и личный, и наивность тоже может быть явлением историческим. Вообще дед Щукарь — это явление, которое идет, я бы сказал, в разных характерах, но параллельно испанскому Дон Кихоту, английскому Робину Гуду и французскому Кола Брюньону. И где-то рядом здесь Василий Теркин...

Говорят, что роман «Поднятая целина» в чем-то уступает «Тихому Дону». И иногда пытаются подчеркнуть, что уступает художественно. Нет! Уступает в объеме, в разности ситуаций. Но если вдуматься, по художественной силе, по мысли, растворенной в образах, это великий роман. Там есть великолепные сцены.

Помните: Давыдов приезжает в праздник на покос, когда бабы ушли в церковь, а казаки играют в карты. Какой напряженный психологический поединок произошел между Устином и Давыдовым. Давыдов почти обвинил его в том, что он был у белогвардейцев. В ярости своей, отстаивая Советскую власть, можно перейти и к другим методам... И это Давыдов вдруг понял.

А еще — великолепная сцена борьбы, озорной борьбы секретаря райкома Нестеренко с Давыдовым. Помните, как они боролись? Они озоровали. Люди, равные в своем озорстве. И в этот момент как бы равные в своей значительности. Но потом, уже когда с Давыдовым поборолись, сели, Нестеренко говорит Давыдову о его промахах в работе и советует вообще, как себя вести... Писатель как бы показывает этими сценами, что нельзя слишком переозначиваться, слишком быть перенапряженным во власти. Надо быть во власти — народным. Советская власть — это народная власть.

Вообще Шолохов — художник, который пишет по любви, по страсти. Не просто по умению, по чувству, как я уже сказал, «формул» и «хромосом». Он художник в любви. У него даже ненависть написана от способности любить. Потому ненависть его героев очень острая, очень человеческая, не тупая.

Это художник от любви, от чувства красоты. От чувства добра в человеке. От веры в человека, что он все-таки, пройдя через все социальные катаклизмы, пройдя через все свои личные неурядицы, будет становиться все более и более прекрасным. Шолохов — это великий художник любви и веры.

Домик в хуторе Кружилинском Вешенского района Ростовской области, в котором родился М. А. Шолохов.

Фото Ю. ГАРМАША.

У ИСТОКА

Что испытывает человек, оказавшийся в Михайловском, Ясной Поляне, Тарханах? Какое-то непередаваемое святое чувство уважения, восхищения и гордости. И возвышающее душу ощущение причастности тому доброму и светлому, что незримо излучают эти дорогие миллионам сердец места... Наверное, то же довелось почувствовать и мне, когда подходил к скромному казачьему куреню, подарившему человечеству Шолохова.

Смотритель шолоховского куреня А. И. Лишенко пояснила, что дом скоро станет мемориальным — филиалом Новочеркасского музея истории донского казачества. С волнением поднимаюсь по крутым деревянным ступеням. Знаешь: «Недалеко, в каких-то двух десятках километров отсюда трудится замечательный художник современности, а истоки его берут начало здесь».

Б. ПЛЕВАКИН,
художник.

ДОНСКОЙ КИНОРАССКАЗ

На киностудии «Центрнаучфильм» начались съемки историко-документального фильма по роману М. А. Шолохова «Тихий Дон». Наш корреспондент встретился с режиссером картины Л. А. ЦВЕТКОВОЙ.

— Лидия Архиповна, согласитесь, необычно это звучит— «историко - документальный фильм по роману «Тихий Дон»! По роману... Возможно ли документальное засвидетельствование художественного вымысла!

— Знаете, я тоже была несколько удивлена, когда мне предложили снять такой фильм. Не укладывалось в голове — великий художественный роман и четкий педантичный документ. Но когда изучила сценарий и близко познакомилась с его автором Сергеем Семановым (кстати, ему принадлежит серьезное литературоведческое исследование «Тихий Дон»: литература и история») — поняла, что замысел создания такой картины имеет под собой прочную и законную основу. С этой точки зрения «Тихий Дон» можно назвать и документальным романом.

— Вы помните то место из «Тихого Дона», когда Григория Мелехова ранят на австрийском фронте под городом Каменка-Струмилово! Тогда его направляют из полевого госпиталя в Москву: поврежденный глаз нуждался в серьезном лечении. Григория определяют в глазную лечебницу доктора Снегирева. Шолохов указывает даже точный адрес — Колпачный переулок. Недавно я узнал, что действительно в 1914 году в центре Москвы, в Колпачном переулке, в доме номер 11 размещалась лечебница доктора Снегирева.

— Да, это один из типичных примеров, как действие в романе Шолохова подкрепляется конкретным фактом. До фильма, например, я никогда не придавала значения тому, что география «Тихого Дона» отличается удивительной точностью. Все города, станицы, хутора существуют реально с теми же названиями, которые встречаешь в романе.

— Но мы несколько отвлеклись. «Тихий Дон» — произведение многоплановое, сложное. Проследить судьбы всех его героев в документальном фильме, видимо, невозможно!

— Совершенно верно.

— Значит, Вы со сценаристом остановились на чем-то одном, на Ваш взгляд, главном!

— Именно так. А главное в романе, конечно же, судьба одного из самых ярких героев русской и мировой классики — Григория Мелехова. Его образ и ляжет в основу нашего фильма. Отсюда и рабочее название картины «Документы биографии Григория Мелехова».

— А сохранила ли история документы, которые смогли бы подтвердить, проиллюстрировать и внешний ход событий того времени и метания подвижной, ранимой души Мелехова!

— Конечно, ни в одном архиве мы не найдем метрик Григория. Его «свидетельство о рождении» — это и старый казачий курень, который еще можно встретить в донских степях, и мощный разлив весеннего Дона, и степенный разговор горделивых стариков у плетня, и старинные казачьи песни...

— Вы так живописно рассказываете, что у меня создается впечатление, будто Вы недавно посмотрели казачью станицу, ее людей, природу!

— Да, мы уже начали съемки. В апреле работали с оператором в окрестностях знаменитой Вешенской. Отсняли Дон в половодье, забирались в глубинку, много беседовали с очевидцами и участниками гражданской войны на Дону.

— ...Думается, в фильме основную роль будут играть архивные документы!

— Безусловно, и уже собрано много фотографий из старых журналов тех времен. На них зритель сможет увидеть фотографии казака-воина, казака-хлебопашца, казака — участника революционных преобразований на Дону. И все это Григорий Мелехов, поскольку образ его собирательный, в полном значении этого слова типичный. Для работы над фильмом привлечены многочисленные документы о гражданской войне из архивов, музея донского казачества, свидетельства историков и мемуаристов.

— И последний вопрос. Когда и где зритель сможет увидеть этот фильм!

— Сейчас мы работаем на студии — собираем материалы, документы, старые казачьи песни, обрабатываем то, что уже отсняли. В июне съемки будут продолжены... А к ноябрю планируем пустить картину в прокат. Она будет демонстрироваться в кинозалах документальных фильмов. Надеемся, что будет показана и по телевидению.

Вел беседу
А. ПОПОВ.

На всех языках

Многие издательства страны в эти дни подготовили к выпуску произведения М. А. Шолохова.

«Тихий Дон» — миллионным тиражом! — выходит в «Художественной литературе», а также в «Молодой гвардии», Пермском, Ростовском издательствах.

«Поднятая целина» издается на эстонском и латышском языках в республиканских издательствах, в Хабаровском краевом и в «Просвещении».

Сборники «Донские рассказы», «Лазоревая степь» выпускают «Художественная литература», «Детская литература», Дальневосточное, Бурятское издательства; «Они сражались за Родину» — «Современник», Чувашское, Нижневолжское издательства, а также «Вага» (на литовском языке); «Судьбу человека» — «Советская Россия» и Верхневолжское издательство.

Увидят свет монографии, сборники статей о творчестве писателя в «Художественной литературе», «Современнике», Ростовском издательстве.

Издательство «Правда» выпускает собрание сочинений М. А. Шолохова в 8-ми томах.

ТАК ЭТО БЫЛО...

...1925—1929 годы. По путевке комсомола мне, тогда комсомольцу, рабочему корреспонденту газеты «Гудок», пришлось работать сначала в юношеском секторе издательства Моссовета «Новая Москва», а затем (после объединения издательств) — в издательстве МК ВКП (б) «Московский рабочий».

Жизнь столкнула в те годы меня, еще молодого по возрасту и опыту редакционной работы, с писателями и поэтами разного возраста и направлений. В числе их был и Михаил Шолохов.

Хотя прошло более полувека после выхода первого сборника «Донские рассказы», очень памятна работа над подготовкой его к изданию, в которой активно участвовал и М. Шолохов.

В своем предисловии к сборнику А. С. Серафимович писал: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды. Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий охватывающий глаз. Умение выбирать из многих признаков наихарактернейшие. Все данные за то, что т. Шолохов развернется в ценного писателя».

...Закончив работы по подготовке сборников «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», М. А. Шолохов возвращается на Дон в станицу Вешенскую — собирать материалы для романа «Тихий Дон».

«Работа по сбору материалов для «Тихого Дона»,— рассказывал М. Шолохов,— шла по двум линиям: во-первых, собирание воспоминаний, рассказов, фактов, деталей от живых участников империалистической и гражданской войн, беседы, расспросы, проверка всех замыслов и представлений; во-вторых, кропотливое изучение специальной военной литературы, разборки военных операций, многочисленных мемуаров, ознакомление с зарубежными, даже белогвардейскими источниками».

«И писалось трудно и жилось трудно, но в общем писалось»,— вспоминал об этом времени Михаил Александрович.

3 апреля 1927 года М. Шолохов пишет из станицы Вешенской:

«Ты ли это, т. Стасевич?

Получил письмо от 26 марта и подписи не разобрал. В середине маячит «...севич...», а по краям нечто подобное тому, как на керенских деньгах. Во всяком случае по поводу письма гутарю с тобой. Деньги за «Лазоревую степь» получил. Теперь... о романе: зовется «Тихий Дон», размер 40 (приблизительно) печ. листов. Частей 9. Эпоха 1912—1922 гг. Эпиграф не интересует? Поговори с кем следует о том, не сможет ли издательство субсидировать меня некоторой суммой денег под роман? Сообщи и на сей счет. С тов. приветом М. Шолохов».

А получив на это письмо положительный ответ издательства, М. Шолохов сообщает: «Ст. Вешенская, 22 июля 1927 г. Дорогие товарищи! С высылкой первых частей романа запаздываю, потому что держит машинистка. Есть в нашей станице такой «орган», который печатает РИКу разные исходящие. Вот этот печатный станок (я крепко верю, что это не пишущая машинка, а ее прадед — печ. станок времен Иоанна) печатает мой роман (по Сеньке, говорят, и шапка). Дама, которая управляет сией машиной, работает весьма медленно, и я, по вероятности, пока она кончит печатать роман, успею написать другой... С дружеским приветом М. Шолохов».

В конце 1927 года рукопись первых частей романа «Тихий Дон» поступила в редакцию. Но тут произошло затруднение. Юношеский сектор издательства «Московский рабочий» было решено вместе с его редакционным портфелем передать в издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». При разделении возрастной тематики изданий, несмотря на то, что рукопись романа «Тихий Дон» уже поступила в издательство, согласно заключенному договору, и к ее рецензированию приступили, новое руководство редакцией художественной литературы категорически стало возражать против оставления ее в своем редакционном портфеле. Что оставалось нам делать? Пришло на память внимательное отношение к молодому писателю со стороны А. С. Серафимовича при издании сборника «Донские рассказы»...

После просмотра рукописи А. С. Серафимович дал заключение издательству: «...немедленно печатать роман без всяких сокращений».

А. СТАСЕВИЧ.

И сердцу, и уму

Как актеру мне выпало счастье жить в трех романах Шолохова. В фильмах — «Тихий Дон» и «Поднятая целина», в радиоспектакле «Они сражались за Родину». Твердо знаю: без этого я был бы беднее наполовину. Как человек и актер.

Играть Шолохова трудно и ответственно. Так же, как играть Толстого и Достоевского. Трудно и ответственно не только потому, что сложно воплотить его образы. Приникнув к творчеству писателя, как целебному источнику, черпая из него веру и силу, актер обязан оставить его незамутненным для других.

Когда начались съемки «Поднятой целины», роман еще не был дописан. И мы, участники фильма, еще не знали, что завершится он трагической точкой: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову...» Мы жили своими героями — их безграничной любовью к своему народу, их высокими стремлениями, поступками и идеалами.

И сейчас Давыдов постоянно нужен мне. Убежден: нужен всем нам. Всякие бывают в жизни дни— солнечные и ненастные. Но что бы ни случилось, человек этот помогает мне не сдаваться, выдержать! Потому что он — совесть наша. Во всей мировой литературе, думается мне, нет образа коммуниста по своей художественной силе равного Давыдову. Факт!

Теперь, когда я смотрю нашу картину (в который раз!), нет-нет да и мелькнет мысль: «Не устарела ли?» Ведь сколько фильмов ранее популярных, пользующихся успехом, сейчас уже в разряде архаичных. Но нет, «Поднятая целина» живет, дышит, действует. Воспитывает коммунистов. Живет, как живо все настоящее, совершенное. Ведь какая литература, какие образы, какой автор!

До сих пор часто подходят ко мне люди, больше молодые,— у нас и в других социалистических странах, где мне приходилось бывать. Подходят, просто жмут крепко руку и открывают сердце свое: «Спасибо вам, дорогой товарищ Давыдов!»

Петр ЧЕРНОВ,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР.

ИДУЩИМ ВОСЛЕД

Шолохова невозможно представить писателем одной темы, пусть даже широкой и важной. В нашем сознании он давно уже писатель жизни, где слово «жизнь» в самый раз обозначить с большой буквы. Судьба человека—судьба жизни, эпохи, биография творения и обновления мира — в трагедиях, борьбе.

Поэтому так непросто измерить глубину его произведений. Творчество Шолохова все время оказывается шире наших представлений, заключений. Произведения движутся, как река, или прорастают в простор земли и неба, как дерево. В этом смысле он народный писатель, и его творчество всегда чувствует идущих вослед. Народность—слово обязывающее, крупное. Но безусловно, что оно предполагает взгляд на жизнь такой, как она есть, и — великий талант раскрытия в характерах героев смысла и правды бытия.

Шолохов наиболее сильно в литературе изобразил ту ситуацию человеческого испытания, которая позднее будет названа предельной и в которой будут «выверять» своих героев Ю. Бондарев и В. Быков, Ч. Айтматов и Й. Авижюс... Хочу сказать об этом чуть подробнее.

Нередко «предельность» пишется одним цветом или резкими штрихами и по форме, и по содержанию, когда главное в человеке выдвигается на передовую чувств. Все остальное как бы отсекается, вычеркивается. У шолоховского героя ни одно из качеств, ранее пережитых и проявленных, не пропадает бесследно. Оно живет в человеке в любых испытаниях и лишь ждет своего часа, своего выхода. Ни на одной из страниц жизнь у Шолохова не воспринимается усеченно, отрывком чего-то большего или не вошедшего в книгу. Она течет, показывая весь свой размах и многоголосие человеческого духа.

Психология его героев не разбита на этажи — внешнее и внутреннее, она просматривается насквозь, интересна и доступна во всех своих проявлениях — душевными тревогами, радостями и бедами, любовью и верностью, горькими ошибками, юмором и печалью. Все, что даровано человеку, рано или поздно выходит на людское мнение, на общее «хоровое» суждение. Все живет и утверждается единством личности.

Всем своим существом герой Шолохова тянется к людям. Он может оказаться в одиночестве, временно сбиться с пути, но одиночество не его удел. И он не песчинка в этом мире. До последнего дыхания Григорий Мелехов будет пробиваться к окончательному решению, к тому выводу, который привел бы его в согласие с народной правдой, с родным домом.

Андрей Соколов приютит дитя войны, усыновив его. Помните: «Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

В литературе бытует термин роман-воспитание. В чистом виде — это, например, «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Шолохов-художник, очевидно, никогда не ставил перед собой впрямую педагогических целей.

Он вообще не любит малейшей назидательности, навязчивой дидактики. Я был в Вешенской, встречался с писателем. Запомнились его слова: «В наше время поучать довольно сложно. Лучше не надо. Если уж писать, то не в назидание». Но его произведения воспитывают. Это воспитание правдой, силой художественного взгляда, слова.

В его произведениях слово зажило истинно верной, свободной, необычайно яркой жизнью. Работе над словом, языком придает он решающее значение.

— И великие, и малые писатели спотыкаются на языке,— говорит Михаил Александрович.— Можно написать: «А небеса в Ставропольской губернии бывают очень синие». Красиво вроде бы, но адрес синих небес можно менять, как хочешь. Слово нужно не для раскраски, а для точности.

Молодежь шлет мне свои книги, большей частью рукописи. Есть проблесками талантливые ребята. Но, я смотрю, среди них тоже случается: чуть его напечатали, уже работу в сторону. Первую свою книжку выпустил с языковыми находками, а во второй их уже теряет, в стиле — небрежности. Это огорчает. Непомерные требования к личному благу, а работа, творчество уже в стороне.

Вряд ли найти в искусстве такие произведения, воспитывающее воздействие которых было бы столь велико.

Герои Шолохова — люди своего времени. И это — живые люди. Каждый из его героев не просто запоминался, а создавался в нашем воображении. Мы взяли с собой качества их характеров, привычки, слова, ставшие крылатыми. Мы видим в их характерах и то, что только им принадлежит, и типовое, распространимое. С именем Давыдова живет представление об умной и веселой рабочей правде, с Нагульновым — неистовая революционность и преданность идее, с Разметновым — раздумчивая доброта, с Андреем Соколовым — непобедимость человека, который живет среди всех и для всех, для людей. Шолоховские герои — сильные характеры, в них есть то, что зовется душевной крепостью. С ним, Шолоховым, с его творчеством образ коммуниста становится главным героем в литературе.

В двадцать четвертом году, прожив несколько лет в Москве, Шолохов возвращается в родные места. К этому времени уже много друзей среди комсомольских, пролетарских писателей. Литературная слава молодого Шолохова густо прочерчена, но главный, невероятный по масштабам труд еще впереди — работа над «Тихим Доном», «Поднятой целиной», эпосом социалистического реализма.

Этот факт навсегда в комсомольской летописи. Впервые имя Шолохова сверкнуло ярко, запоминающе на страницах комсомольских газет «Молодой ленинец», «Юношеская правда», «Комсомольская правда» и журналов «Молодая гвардия», «Комсомолия», «Журнал крестьянской молодежи».

Первый номер журнала «Комсомолия»... На обложке— красные знамена в языках пламени. На фоне пламени и знамен — название журнала. Среди авторов первого номера: М. Шолохов — рассказ «Бахчевник»...

И. ЖУКОВ.